

особая роль. С одной стороны, постиндустриализм ведет к увеличению информации, находящейся в пользовании, с другой, утверждает Д.Белл, в постиндустриальном обществе происходит качественный сдвиг в связи с возрастанием роли теоретического знания. Увеличивается количество и качество профессиональной деятельности, усиливается роль интеллектуалов и значение квалификации, особое значение приобретает труд, связанный с непосредственным общением, – все это выдвигает на первый план роль информации (знания).

Одна из причин подобных изменений состоит в том, что профессионалы, будучи экспертами, более склонны к планированию, которое способно устранить превратности жизни, пущенной на самотек. Таким образом, по мнению мыслителя, в постиндустриальном обществе определяющими будут предвидение, выработка стратегий и планирование, а значит, общество будет просчитывать траекторию своего развития более осознанно и целенаправленно, контролируя этот процесс. Еще одно качественное изменение, с точки зрения Д.Белла, связано с тем фактом, что, поскольку услуги означают взаимодействие людей, направляемых специалистами, то, соответственно, качество этого взаимодействия выдвигается на первый план. В постиндустриальном обществе к человеку не будут относиться, как к «винтику» (что являлось уделом индустриального рабочего, когда главным были техника и деньги), каждый сможет воспользоваться услугами специалистов, для которых не будет ничего важнее потребностей клиента. Необходимость планировать вместе с желанием заботиться влечет за собой, по мнению Д.Белла, возникновение нового сознания в постиндустриальном обществе, которое, будучи «коммунитарным обществом», больше будет поощрять сообщество, нежели индивидов. Такие вопросы, как состояние окружающей среды, забота о престарелых, достижения в области образования, которое не должно быть узкоспециализированным, – все это станет более значимым, чем экономическая прибыль и конкурентоспособность, а благодаря экспертизе специалистов и выстраиванию приоритетов вполне может быть осуществлено. И это, утверждает Белл, свидетельствует о повороте от «экономизирующего» этоса (максимального удовлетворения собственного интереса) к «социологизированному» образу жизни (попытке оценить потребности общества наиболее сознательным образом на основе ясно сформулированного общественного интереса).

УДК 930.1

ПАМЯТЬ И АМНЕЗИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

О.М. Ростовская

УО «Витебский государственный технологический университет»

Память как чрезвычайно важный феномен общественного бытия, вне которого сложно представить динамику культуры, является актуальным предметом современной социальной философии и историософии. В предыдущих работах говорилось о взаимосвязи прошлого, памяти и истории. Несмотря на то, что ряд исследователей (П.Нора, М.Хальбвакс) рассматривает отношение памяти и истории с позиции их последовательности, полагая, что прошлое, которое уже не помнится и не переживается, становится историей, мы придерживаемся иной точки зрения. Считая вполне адекватными для новой исторической науки понятия «современная история» и «историческая память», мы склонны утверждать, что история и память

больше не отделяются друг от друга пропастью времени, поглотившей остатки воспоминаний, а, наоборот, история рождается на той почве, которая еще хранит память и способна ее передать. В то же время, анализируя функционирование памяти, попытаемся разделить историческую память и социальную память, позаимствовав у М. Хальбвакса понятие «рамки памяти».

1. Термин «социальная память», означающий память некой группы людей о недавнем прошлом, применим только при учете наличия определенных социальных рамок, указывающих на принадлежность данной группы к конкретному времени и пространству. «Историческая память» – как совокупность знаний и переживаний, отражающих наиболее важную, актуальную, конкретизированную информацию об историческом прошлом – имеет более широкие рамки, а ее носитель – не конкретная, однородная социальная группа, а социальная общность, представители которой являются одновременно членами несколько разных социальных групп. Существует и еще два важных критерия различия – степень автономности и регламентации памяти. Конечно, в данном случае, узкая социальная память имеет значительное преимущество, так как хранит то, что историческая память не способна зафиксировать вследствие ряда причин: она акцентирует внимание на общем, охватывает широкое пространство и длительное время, характеризуется динамичностью и изменчивостью.

2. Современная история создается параллельно социальной памяти, которая воспроизводит произошедшие события в ее конкретных социальных рамках. В то же время она существует параллельно исторической памяти, которая содержит множество отпечатков социальной памяти. Таким образом, социальные рамки памяти с многообразием их содержания накладываются друг на друга, образуя своеобразную матрицу.

3. Когда исчезает социальная группа, исчезает и живая социальная память. Но историческая память продолжается. Несмотря на свою фрагментарность, она сохраняет образно-информативный, личностно-социальный характер. В значительной степени это обусловлено тем, что историческая память артефактна, ее невозможно представить вне связи с материальной и духовной культурой. Ярко выраженный коммуникативный характер, соответствующий социальной памяти, менее присущ исторической памяти, поскольку главный источник знания о прошлом – артефакты определенной культуры.

Каждый человек является носителем и транслятором памяти на разных уровнях – на уровне социального времени и пространства, в котором существует как представитель разных социальных групп, и на уровне исторического времени и пространства, границы которых уходят в глубокую древность. На обоих уровнях проявляется такое свойство памяти, как забывание.

Для социальной памяти амнезия – явление стихийное. В нашей личной жизни и в обществе каждый день происходит столько событий, что даже акцентируя на них внимание, мы через некоторое время просто забываем их. Расширенный доступ к информации в современном мире обесценивает саму эту информацию, только самая значимая интересует нас, но и она скоро подвергается фильтрации и сменяется другой, более актуальной. С другой стороны, на социальную память оказывают влияние многие факторы, среди которых есть и те, что стимулируют социальную амнезию.

На уровне исторической памяти любая форма амнезии влечет за собой утрату исторически значимой информации, разложение культурной системы. Историческая амнезия может иметь частичный индивидуальный или групповой характер, что и происходит в реальности, но когда она приобретает этнические, националь-

ные или даже глобальные масштабы, это грозит утратой культурной идентичности, духовным кризисом и, возможно, деградацией и упадком цивилизации. Вряд ли это произойдет на планетарном уровне, но локальная историческая амнезия – явление распространенное. Как правило, в обществе существуют силы, способные ее стимулировать. Поэтому одни исторические факты исчезают из поля зрения общественности, стираются со страниц истории, выгодно замещаясь другими, которые актуализируются и закрепляются в исторической памяти как идеологически значимые. Яркими примерами механизмов, стимулирующих социальную и историческую амнезию, являются тоталитарные режимы.

Подводя итог, важно отметить, что память и амнезия – взаимосвязанные социальные феномены. Их изучение в историческом контексте и современном социальном пространстве предполагает исследование конкретных событий и явлений, делая возможным дальнейший более глубокий философский анализ.

УДК 37 (075)

МИФОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

О.И. Уткевич

УО «Витебский государственный технологический университет»

Работа основана на понимании мифологии как всеобщего, универсального процесса восстановления некоей целостности в сознании человека. Определяющей для автора является точка зрения Ф. Шеллинга на взаимосвязь мифологии и художественного, в первую очередь литературного творчества. «Философия искусства, – писал он, – неизбежно должна заниматься предметами художественного и поэтического изображения – это даже одна из ее первейших задач. А тогда нельзя будет не потребовать некую *изначальную* поэзию, которая предшествовала бы всякому изобразительному и поэтическому искусству и, в частности, измышляла и порождала бы его материал. Однако то, в чем можно видеть подобное изначальное порождение идей, какое предшествовало бы любой сознательной поэзии, создаваемой по всей форме, обнаруживается только в мифологии».

Наиболее очевидное проявление мифологии как основы литературного творчества – внешнее, формальное – использование в художественных произведениях мифологических сюжетов. Такой интерес к мифологии присутствовал в литературе с момента ее возникновения, но в истории литературы можно выделить периоды особого внимания к мифам. Это, например, эпоха Ренессанса, обращенная к мифологии греко-римской Античности. Затем – романтизм, провозгласивший лозунг возвращения к национальной мифологии. Начало XVIII века ознаменовано процессом демифологизации литературы, а очередной всплеск интереса к мифам пришелся на конец XIX – начало XX веков. Обращение к мифологии в этот период значительно отличается от романтического: писателями и поэтами не только широко используются образы и сюжеты самых различных мифологических систем, но вместе с тем наблюдается тенденция к созданию «авторских мифов», в которых сам исходный миф сложно переплетается с острыми темами современности, с историей народов и государств, с другими мифами, с особенностями мировоззрения писателя. Таковы, например, произведения Д. Джойса, Т. Манна, А. Белого, У. Фолкнера, К. Гамсуна и т.д. «В европейской литературе, – характеризует этот процесс российский литературовед Е. Мелетинский, – имеет место намерен-